

Л. В. Ланник

**СЕМЬЯ, ДОЛГ, ЧЕСТЬ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ:
ПРОБЛЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ**

Представлены различные стороны повседневной жизни военной элиты в Германии в годы Первой мировой войны. Показано воздействие затяжных боевых действий на профессиональных военных высшего эшелона с учетом их возраста, особых социальных норм, семейных взаимоотношений. Привлекается внимание к новому полю для исследований, до сих пор недостаточно востребованному.

This article describes different aspects of the everyday life of the German military elite during World War I. The author stresses the effect of protracted hostilities on professional high-ranking officers in view of their age, special social standards, and family relations. Special attention is paid to a new little-studied area of research.

Ключевые слова: германская военная элита, Первая мировая война, штабная повседневность, семьи военных.

Key words: German military elite, First World War, everyday life of the military staff, officers' families.

В рамках бурно развивающихся в современной историографии направлений, в частности истории повседневности и гендерных исследований, безусловно остаются лакуны, одной из которых и будет посвящена эта статья. При увлечении фронтовой повседневностью, «окопной правдой» по-прежнему многие полагают, что именно этот уровень осознания военной действительности наиболее перспективен для исследования, в то время как штабным будням, а также частной жизни кадровых военных, которые провели войну лишь изредка навещая передовую, внимания фактически не уделяется.

Задача восстановления недостающих элементов многогранного образа повседневности Великой войны применительно к высшим военным слоям Германии, казалось бы, может быть решена сравнительно легко. О многих из их представителей есть не только многочисленные свидетельства соратников и воспоминания коллег, но и большой пласт официальных документов, а также, если дело касается тех, кто имел отношение к окружению кайзера и политической жизни Германии, значительный объем политической публицистики и пропагандистских материалов, вплоть до официальных лакированных биографий. При пристальном внимании исследователей ко второму и третьему видам источников первому из них не придается существенного значения, что, учитывая особенности частной жизни германского офицерства, следует считать ошибкой.

С учетом гибели большого количества официальных документов именно сохранившиеся в семейных архивах письма и заметки представителей германской военной элиты призваны восполнить лакуны. Публикации подобного рода стали особенно необходимы после Второй мировой войны¹, когда в пожарах были уничтожены фонды многих военных, но и прежде важность этих источников вполне осознавалась. Они приобретали огромное значение в случаях, когда тот или иной военный деятель не успевал завершить написание автобиографической работы, а официальное жизнеописание требовало бы определенного личного оттенка. Масштабная биография генерала Г. фон Секта, изданная сразу после его смерти на основе лишь частично написанных им мемуарных заметок [17–18], в значительной степени опирается на его многолетнюю переписку с женой, где генерал излагал большой объем пусть и по-своему подобранной, но вполне конфиденциальной информации.

Более того, по мере прочтения мемуаров подтверждается впечатление, что супруги генералов вполне могли быть не только их спутницами жизни, но и соратницами в самом прямом смысле этого слова, принимая на себя политические хлопоты, которые не мог взять на себя кадровый военный в силу профессиональной этики. Жены высших командиров, став хозяйками своего рода политических салонов, предоставляли мужьям доступ к специфическим источникам информации, получая от них и инструкции по осуществлению политического зондажа, а также карьерных интриг. В подобном сотрудничестве супругов нет ничего странного, ведь нормы семейной жизни представителей военных элит консервативных монархий были жестко регламентированы, фактически предписывая деятельное участие жены во всех деталях служебных дел мужа, если только это не было прямо запрещено (да и в этом случае порой офицеры и генералы поступались принципом государственной тайны). Впоследствии жены, дочери, сестры скончавшихся генералов взяли на себя нелегкий труд публикации имевшихся у них источников личного происхождения, но отнюдь не из сентиментальных соображений. Прекрасно осознавая уникальность этих материалов, они стремились принять активное участие в послевоенной полемике относительно причин поражения и революции в Германии, деятельно отстаивая вклад и честь покойного мужа или отца, как правило, делая из него еще одного идола и недооцененного героя, а порой доходя до анализа написанного его оппонентами, разоблачая «клевету» и вводя в оборот едва ли не компрометирующие материалы (см., например, [6; 7; 16]).

Семья в жизни германского офицера, как и у большинства его коллег за рубежом, играла огромную роль, при этом зачастую ориентированную в первую очередь вовне. Социальный облик и место офицера в довоенном обществе Кайзеррейха изучены достаточно хорошо², а по-

¹ См., например, [8]. Издания подобного рода выходят до сих пор, причем потенциал семейных архивов достаточно высок даже по сравнению с публикациями личных фондов из Военного федерального архива (ВА — МА). См., например, издание материалов одного из семейных архивов: [9].

² Достаточно указать хотя бы на классический труд К. Деметра [1].

тому можно лишь констатировать недостаточный учет особенностей повседневной жизни кадрового военного для анализа его действий и решений в годы Великой войны. Довольно простой набор статистических данных позволяет произвести переоценку роли семейных отношений в профессиональных вопросах. Хотя германский офицер женился сравнительно поздно и только с одобрения командования (см. подробнее [2, с. 70–72, 124]), при выполнении им ряда условий к моменту получения первого генеральского чина (в возрасте 52–55 лет³) он находился в браке не менее 20–25 лет. Кандидатура жены также была предметом пристального внимания и внутрикастового контроля, подбираясь зачастую так, чтобы брак носил корпоративный характер. В том числе и поэтому разводы являлись редкостью, а редкие исключения крайне отрицательно сказывались на репутации офицера и его перспективах. Никакого разнообразия во внешних проявлениях семейной жизни не поощрялось, семья могла быть даже бездетной (как, например, у Г. фон Секта), но несчастливой и недружной в глазах коллег супруга и, соответственно, их жен она быть не могла. Вероятно, большинство семей германских военных и полагали себя счастливыми, а определенную проверку на прочность они проходили в первые полтора десятилетия брака, сопровождавшиеся постоянными переездами, командировками и учениями, но далеко не всегда высоким уровнем доходов. Офицер был подчеркнуто внимателен к благосостоянию семьи, стремясь произвести впечатление чуть большего, нежели имелся в действительности, достатка. С учетом дворянского происхождения большинства старших офицеров, а также регулярного пожалования кайзером дворянства за заслуги и по достижении звания генерал-лейтенанта, определенная претензия на более высокий уровень достатка изначально (или в ближайшей перспективе) сопровождалась еще и особыми нормами, диктуемыми юнкерством. В случае службы в гвардии бытовые условия и хлопоты приобретали еще и оттенок светского лоска, плохо совместимый с заработком даже штаб-офицера.

К началу Великой войны многие генералы были отцами взрослых сыновей, зачастую избравших военную стезю и уже получивших офицерский чин, однако в силу возраста вряд ли переступивших через лейтенантскую или капитанскую ступень своей карьеры, а значит, оказавшихся командирами взводов, рот, в лучшем случае адъютантами батальонов. Несмотря на отдельные случаи кумовства и попыток придержать сына в безопасном тылу, при своем штабе⁴, большинство генералов были обречены на то, чтобы вместе с женами постоянно мучить-

³ Меньшим этот возраст быть просто не мог. Не считая представителей правящих династий германских государств, даже выходец из самых известных военных династий должен был поэтапно пройти все ступени карьеры, получая заветное командование корпусом в среднем после 35–37 лет офицерской службы. Принцип старшинства при производстве в следующий чин соблюдался очень жестко, количество вакансий всегда было чрезвычайно ограничено. Статистику см. в [19, S. 169–171].

⁴ См.: [14, S. 504]. Подолгу служили под командованием отцов сыновья генералов фон Франсуа и Литцманна. См., например, [5, S. 27ff.].

ся неизвестностью о судьбе оказавшихся на передовой сыновей. Многие из них уже в первые годы войны получили известия о героической гибели или тяжелом ранении детей, а возможность пролить кровь за Отечество предоставлялась даже младшим сыновьям кайзера. При этом, испытывая тревогу или тяжелейшее чувство утраты, германские генералы вынуждены были смириться с этим хотя бы внешне, а то и искренне продолжая разделять вполне милитаристские воззрения. Несомненно, что гибель детей при сохранении воинственной риторики и убежденности в необходимости продолжения войны до победного конца также становилась определенным испытанием крепости семейных уз.

Недооценивать значение эпистолярного наследия генералитета для раскрытия многих неизвестных страниц закулисной истории военных элит в эпоху Великой войны не стоит. Только в этих источниках могут быть обнаружены комментарии по тем проблемам, которые в официальных документах и даже в дневниках (чьи авторы, как правило, учитывали перспективу их публикации) не рассматривались вовсе. Только в письмах офицеров к супругам можно обнаружить, пусть и в сдержанной форме, оценки командования⁵, истории штабных и придворных интриг, портретные зарисовки многих заметных государственных и военных деятелей, мысли о карьерных перспективах и справедливости распределения наград, эмоциональные оценки происходящих политических перемен и даже откровения относительно истинного хода событий во время подготовки решающих операций⁶. Нередко офицерам Генштаба и генералам, имевшим хотя и не ограниченные, но зачастую уникальные источники информации об истинном положении дел на фронтах и в штабах, приходилось комментировать супругам (но не детям) распространявшиеся в Германии слухи и надежды на скорую победу, мир или безусловный триумф германского оружия.

Рискуя репутацией в связи с возможной перлюстрацией писем, германские военные все чаще доходили до опасных признаний и горестных философских сентенций. По мере ухудшения продовольственной ситуации в Германии в письмах чаще стали звучать мотивы тревоги о снабжении семьи. В источниках личного происхождения открывается уникальная картина «хорошо организованного голода» всей страны, включая высшие слои населения. Разумеется, не было недостатка в ханжестве и преувеличениях⁷, однако и при учете этого можно констатировать ситуацию катастрофического падения уровня жизни. Доходило до того, что глава военного кабинета кайзера, то есть одного из трех оборонных ведомств Германии, отвечавшего за все кадровые вопросы в вооруженных силах, получил особое разрешение брать с императорского стола по 2 яблока (!) для их отправки своей семье в Берлин. Он же покорно отчитывался о своих попытках раздобыть шоколада [12,

⁵ Так, в переписке Грёнера содержится следующая характеристика его будущего начальника: «Людендорф вполне созрел для сумасшедшего дома», а также масса менее откровенных заявлений о «потерявших нервы людях» [8, S. 540, 543 – 544].

⁶ Например, [10, S. 64ff.]; см. также [20, Bd. 8, S. 620].

⁷ Произвести на приезжих впечатление аскетического образа жизни в Ставке пытался кайзер.

S. 100, 492]. Куда более активная переписка по решению продовольственных проблем велась теми генералами, которые оказались в полосе военных действий, где предоставлялась возможность «пожизниться» съестным и отправить громадные посылки домой (фрукты, масло, яйца, колбаса и т.д.)⁸: так было в Польше, Италии, Румынии, на Украине весной — летом 1918 г.

Повседневность фронта, особенно если на том или ином его участке уже давно велась позиционная война, оставляла генералам значительное время для досуга. Порой, разумеется, этим далеко не молодым людям приходилось фактически не спать сутками, что стало тяжелым испытанием для их здоровья. Однако при наличии расторопного аппарата и честливого начальника штаба многие генералы, даже в свои 60—65 лет готовые идти в бой впереди колонны войск⁹, неожиданно обнаружили, что лишь санкционируют после доклада уже готовые решения, а потому вполне могут продолжить прерванные войной хобби, попытаться организовать излюбленные формы отдыха. Порой это даже воспринималось ими как определенного рода гуманитарная, просветительская миссия¹⁰. Коронованные властители за редким исключением (кронпринц Баварский Рупрехт) не желали отказывать себе в культурном времяпрепровождении, отлучаясь из штабов, что приводило к скандалам¹¹. В годы войны офицеры Генштаба, подавляющее большинство которых прошло через Академию Генерального штаба и поэтому просто обязано было иметь высокий уровень интеллектуальных и духовных потребностей, не отказали себе в привычных до войны удовольствиях скорее не столько светской, сколько культурной жизни. Г. фон Сект совершал поездки по достопримечательностям и историческим памятникам оккупированной сербской Македонии, ведя переписку со специалистами относительно, обнаруженных им античных объектов [17, S. 358], вице-адмирал фон Хопман консультировался со своим однокашником и выдающимся археологом того времени Т. Вигандом относительно богатейших перспектив исследования Херсонеса [11, S. 535, 541, 614] и т.д. Видимо, желая абстрагироваться от унылых будней войны, многие высшие офицеры не жалели в письмах времени на обсуждение любимых книг, музыки, скульптур и полотен, что вовсе не следует воспринимать как равнодушие к своим обязанностям, а лишь как доказательство ошибочности представления о германском военном как об ограниченном солдафоне.

⁸ Более того, продуктовыми посылками пытались давать взятки. Например, Макензен передал объемные пакеты провизии главе военного кабинета, видимо стремясь добиться преференции при очередном награждении [14, S. 528—529].

⁹ В частности, это продемонстрировал в знаменитом прорыве из русского окружения под Брезинами в ноябре 1914 г. генерал Литцманн, которому к этому моменту почти исполнилось 65 лет.

¹⁰ Например, Литцманн и Морген способствовали открытию в тылу своих частей солдатских театров [13, S. 131ff.; 15, S. 116—122].

¹¹ Глава военного кабинета пошел на скандал с кайзером, отговаривая его от посещения очередной выставки во Франкфурте в разгар тяжелейших боев во Франции. На этот раз кайзер в конце концов уступил, при этом уговорить его ехать в Берлин, покинув Ставку, где он фактически бездействовал, было почти невозможно [14, S. 500—501, 513].

Несмотря на солидный стаж семейной жизни и преклонный возраст, генералы переживали разлуку с женами не менее остро, чем молодые офицеры. Попыткам организовать хотя бы краткое свидание неподалеку от линии фронта с приехавшей навестить супругой или оправданиям за очередной не состоявшийся отпуск в Берлин также уделены многие страницы писем. Даже в самые острые моменты напряжения на фронте германский офицер не мог отказаться от лишнего дня в Берлине или другом городе, где в тот момент жила его семья, в срочных перебросках штабов с одного театра военных действий на другой непременно находилось время для ночевки под родным кровом. Нет никаких сомнений в том, что долг перед Родиной никогда окончательно не заслонял для германского военного убежденности в его праве на семейное счастье, в неотделимости гармонии в его семье от интересов государства. Еще большие трудности вставали на пути верного долгу офицера при желании посетить раненого на фронте сына или работающую в госпитале дочь. Зачастую внеочередное свидание военные могли получить только под предлогом похорон, причем даже те из них, кто не был задействован в повседневной работе по планированию операций и в руководстве войсковыми соединениями. Для пожилых генералов смерть супруги оказывалась почти непреодолимой трагедией¹², порой заслоняя и гибель детей, а многие из командующих германскими корпусами и армиями пережили такое горе, некоторые из них за войну лишились даже нескольких сыновей¹³.

Обращение к эпистолярному наследию представителей германской военной элиты имеет значение не только для уточнения важных деталей интеллектуальной истории Великой войны и не только для описания повседневности особого уровня, воссоздания так называемой «штабной» правды в дополнение к «окопной»¹⁴, но и для пересмотра представлений о факторах, определявших состояние военной и правящей элит Германии на судьбоносном этапе ее истории. Можно надеяться, что при реконструкции «генеральской» или «штабной» правды впоследствии удастся и более взвешенно подойти к созданию офицерского образа войны, до сих пор покоившегося на прекрасных, но все же весьма однобоко освещающих действительность образцах «лейтенантской прозы». Хотелось бы, чтобы после окончания процесса публикации источников о высшем слое германской военной элиты были хотя бы выборочно введены в научный оборот и заметки тех офицеров

¹² Например, Г. фон Плессен, исполняя далеко не первоочередные для хода войны обязанности коменданта Ставки и жалуясь на пустоту и почти безделье, получил отпуск лишь для того, чтобы провести вместе с супругой ее последние дни, после чего в течение месяца не мог вернуться к работе и запросил отпуск по болезни [12, S. 622–623].

¹³ В том числе и среди навещающих фронт представителей правящих германских династий. За несколько месяцев войны потеряли сыновей и куда более молодые штаб-офицеры, см., например, [13, S. 75].

¹⁴ Определенные попытки таких исследований относительно русского генералитета уже ведутся, см., например, [3].

Генштаба, кто, несмотря на скромный возраст и небольшой чин, смог оказать решающее воздействие на принятие ряда судьбоносных решений, причем порой на свой страх и риск. С большой долей уверенности следует предполагать, что именно на этом «уровне» источников удастся получить те сведения, которые упорно исключались из ластивых официальных биографий или апологетических семейных публикаций документов¹⁵. Внимательное изучение всего информационного фона, остающегося за рамками собственно военной истории и игнорируемого вследствие господства стереотипов о высших слоях кадрового офицерства, приводит к иному пониманию той среды, в которой происходило принятие решений, определявших исход Великой войны, а значит, и весь ход XX столетия.

Список источников и литературы

1. Деметр К. Германский офицерский корпус. М., 2007.
2. Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012.
3. Порошин А. А. Проигравшие победители. Русские генералы. М., 2014.
4. Baumgart W. Das "Kaspi-Unternehmen" – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1970. Bd. 18, H. 2.
5. François H. Gorlice 1915. Der Karpathendurchbruch und die Befreiung von Galizien. Leipzig, 1922.
6. Generaloberst Helmut von Moltke : Erinnerungen, Briefe, Dokumente, 1877 – 1916 / hrsg. von E. Moltke. Stuttgart, 1922.
7. Groener-Geyer D. General Groener, Soldat und Staatsmann. Frankfurt a/M, 1953.
8. Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg / Hrsg. F. von Gaertringen. Göttingen, 1957.
9. Haug E. Der Erste Weltkrieg. Kriegstagebuch des Generals Nikolaus Ritter von Endres: 1914 – 1918. Books on Demand, 2013.
10. Hohenborn W. A. Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des preussischen Generals als Kriegsminister und Truppenführer im Ersten Weltkrieg / hrsg. von H. Reichhold. Boppard, 1986.
11. Hopman A. Tagebuchaufzeichnung, 8. Juli, 4. October // Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.
12. Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914 – 1918 / hrsg. von H. Afflerbach. München, 2005.
13. Litzmann K. Lebenserinnerungen : in 2 Bdn. Berlin, 1927. Bd. 2.

¹⁵ Например, только из короткой заметки капитана Генштаба Й. фон Эван-Кригера мы узнаем истинное мнение А. фон Макензена о его начальнике штаба, приведшем его к славе и статусу национального героя, – Г. фон Секте. Вступив в конфликт с Сектом, Эван-Кригер оказался брошен в пекло последних боев на Западном фронте, стал инвалидом, а в ответ на свой рассказ об этом получил от Макензена характерное замечание: «Ген. фон Секту следовало бы стыдиться этого в глубине его сердца, если у этого человека вообще есть сердце» [4, S. 269].

14. *Lyncker M.* Tagebuchaufzeichnung, 30.5.17 // Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr...
15. *Morgen C.* Meinen Truppen Heldenkämpfe. Berlin, 1920.
16. *Pohl H. von.* Aus Aufzeichnungen und Briefen während der Kriegszeit / hrsg. von E. von Pohl. Berlin, 1920.
17. *Seeckt H., Rabenau F.* Aus meinem Leben 1866 – 1918. Leipzig, 1938.
18. *Seeckt H., Rabenau F.* Aus seinem Leben 1918 – 1936. Leipzig, 1940.
19. *Untersuchungen zur Geschichte des Offizierkorps.* Anciennität und Beförderung nach Leistung / hrsg. von W. Meier-Welcker. Stuttgart, 1962.
20. *Der Weltkrieg 1914 bis 1918* / bearb. von Reichsarchiv : in 14 Bdn. Berlin, 1932. Bd. 8.

Об авторе

Леонтий Владимирович Ланник – канд. ист. наук, доц., Саратовская государственная юридическая академия.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru

About the author

Dr Leonty Lannik, Associate Professor, Saratov State Law Academy.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru